

Восходящее солнце засияло над серебристой монетой.

И она внезапно открыла глаза и потянулась, онемев после стольких часов глубокого сна. Было так сыро там наверху! Наверху черепичной крыши того двухэтажного дома на окраине деревни.

«Доброе утро», — сказала она вежливо другой своей стороне.

Ответа не было.

«Доброго тебе утра!

Проснись, рассвело...» — сказала она ещё раз, ещё более вежливо.

Но другая сторона не ответила. Не ответила и сегодня.

Как не отвечала никогда, сколько она помнила её. Как бы вежливо она ни говорила с ней, сколько бы раз ни просила её.

Она посмотрела на солнце, поднимавшееся в небе, и улыбнулась.

«Почему ты не говоришь со мной?» — опять сказала она своей другой стороне.

«Поговори со мной, я ведь так же одинока, как и ты.»
«Поговори со мной.»

«Знаю, что тебе может не нравиться моё общество, но что мы можем сделать? Мы всего лишь две стороны одной монеты. И было бы чудесно поговорить иногда.

Разве не чудесно было бы, если бы мы дружили между собой?»

Однако другая сторона молчала. Она просила её столько раз. Она просила её всеми способами, какие только знала. Хотя и не знала многих! Она была всего лишь одной из сторон маленькой дешёвой монеты. Ничего более.

«Спокойной ночи», — сказала она ей, в то время как темнота наступала...

* *

«Доброе утро», — ласково сказала она с первой улыбкой солнца.

Ответа не было. Но, может быть, она ещё спала! Нужно подождать немного.

Она ждала, пока солнце поднимется высоко. Солнце золотое. Солнце, светившее над серебристой монетой, на черепичной кровле того деревенского дома. И тогда она снова осмелилась заговорить с ней.

«Сегодня замечательный день, не правда ли?»

Но ей не ответили. Как не отвечали ни разу до сегодняшнего дня.

Почему?

Неужели её не трогал интерес другой стороны?

Может, была какая-то причина, по которой она не могла говорить? Может быть, это плохо — хотеть что-то знать о своей другой стороне?

Ей это не казалось таким уж плохим...

С другой стороны, конечно, что она могла знать? Она была всего лишь одной из сторон маленькой дешёвой монеты.

...

Может быть...

...Ну да! Как же она не подумала об этом раньше? Конечно же, это так! Не могло быть ничего другого. Конечно же, это так просто!

«Может быть, ты не можешь говорить?» — сказала она ей. «Может быть, ты хочешь, но не можешь говорить?»

«Тогда сделай какое-нибудь движение, постучи по черепице, и я пойму.»

«Если не можешь говорить, постучи по черепице!»

Ничего.

Ни движения, ни шума. Хотя на мгновение она поверила...

На одно-единственное мгновение она поверила, что наконец-то сможет пообщаться со своей другой стороной.

Может быть, с помощью одного удара по заросшей травой черепице.

С помощью какого-нибудь неощутимого движения они могли бы обмениваться мнениями, мыслями, чувствами. Находили бы новые способы говорить.

Говорить!

Две стороны одной монеты, на одной из крыш на окраине деревни. Две стороны одинокие, совсем одни.

Ничего.

Ни движения. Ни шума. Ответ был прост. Она не хотела с ней говорить.

«Добрый вечер», — сказала она ей, и осталась смотреть, как солнце уходит на запад. Ей так хотелось расплакаться, но она бы этого не сделала. Другая сторона могла бы догадаться.

Могла бы догадаться по одному неощутимому движению, по одному всхлипу, который бы вырвался у неё.

Нет, она не могла заплакать! Другая сторона могла бы догадаться. А она ни за что не хотела бы расстраивать её.

Ведь и другая сторона была одинока, совсем одна. Может, ещё более одинока, чем она сама.

Но тогда почему она не говорила с ней? Почему?

Ведь обе они были одинокими сторонами одной монеты, совсем одни, на одной из крыш на окраине деревушки.

* *

В то утро она не поздоровалась с ней.

Она начала с вопроса, который не давал ей покоя всю ночь. Который мучил её так, как не мучил никогда ни одну сторону, ни одной монеты во всех деревнях мира.

«Может, ты ненавидишь меня», — сказала она ей, с трудом сдерживая дрожь, слезинку на краю глаза.

«Может, ты ненавидишь меня за то, что я могу видеть деревню и солнце?» «Может, ты ненавидишь меня за то, что ты всегда повёрнута к черепице?»

«Скажи мне! Скажи мне, пожалуйста...»

Ответа не было.

«Но я ведь не виновата, ты это знаешь... Ты помнишь это, не правда ли?»

«Виноват тот гадкий мальчишка, который забросил нас на эту крышу!»

«Скажи мне. Скажи мне, что помнишь это...»

«...Поговори со мной, пожалуйста. Я тоже одна сторона маленькой дешёвой монеты. Поговори со мной! Расскажи мне о себе! Скажи мне что-нибудь! Я ведь твоя другая сторона!»

Тогда, отчаявшись, она стала описывать ей свой облик. Это был довольно обычный облик. Фигура женщины с тонкими чертами лица, с красивым носиком и симпатичными глазками.

Женщина, заключённая навсегда на кровле какого-то двухэтажного деревенского дома.

«Расскажи мне о себе», — сказала она ей.
«Расскажи мне, на что ты похожа!»

«Мы можем стать подругами! Можем, если хочешь, стать самыми лучшими подругами! Самыми лучшими подругами из всех сторон, всех монет.

Самыми лучшими подругами во всей деревне. Во всей стране. Во всём мире, если ты скажешь мне хоть одно слово.

Только одно слово!

Если ты скажешь, что хочешь этого!»

«И тогда я буду жить только для тебя! Даже если ты мне больше никогда ничего не скажешь...»

Молчание. Полное молчание... Но почему?

Ведь и она была одинокой стороной монеты, совсем одной, может быть, самой одинокой из всех сторон монет в мире...

...

Начиная с того дня, она начала описывать ей всё, что

видела.

Она не просила её поговорить с ней. Никогда более. Просто сама говорила с ней, не прося ничего более.

Рассказывала ей о деревне и лесе рядом с ней. Рассказывала о большой дороге между домами и о базаре. Рассказывала о солнце и облаках. О птицах небесных. О колоколах, звонивших каждое воскресенье.

Начиная с того дня жизнь этой стороны монеты была уже не той, что раньше. Она описывала всё, что видела, и не просила ничего более.

Она не знала, было ли это хорошо или плохо — не хотеть знать о своей другой стороне. Однако, её жизнь с того дня стала более прекрасной. И она чувствовала себя менее одинокой, гораздо менее одинокой, чем любая другая сторона монеты, в любом уголке деревни.

Эта сторона монеты была менее одинокой.

* *

В первый раз с того мгновения, как они оказались на той крыше, разразилась гроза. Первая зимняя гроза.

И ей было так радостно, что тяжёлые капли стучали по ней. Что она оберегала свою драгоценную другую сторону!

Ветер заметно усилился.

Усилился так, что черепичная кровля начала дрожать. Дрожать так, как никогда прежде не дрожала черепичная кровля двухэтажного деревенского дома.

И тут случилась беда!

Так быстро, что ни одна сторона монеты, ни на одной окраине мира не поняла бы, что происходит...

Она просто почувствовала, что скатывается вниз по заросшей травой крыше.

* *

Было так невероятно сыро там внизу!

Там внизу, посреди сада маленького дома на краю деревни.

И всё же, сторона монеты радовалась ещё больше! Несмотря на то, что это была сторона, завязшая в грязи. Облик женщины с тонкими чертами лица, завязший в грязи.

Несмотря на это, она была так счастлива!

Её другая сторона могла снова видеть облака. Повозки и дорогу. Колокола и леса.

Её другую сторону, озаряло солнце!

Да, она была так счастлива. Так счастлива, как никогда

не была ни одна сторона, ни одной монеты, во всей деревне.

И её другая сторона непременно заговорит с ней. Та сторона, которая до сих пор ни разу не говорила с ней.

Теперь она непременно будет описывать ей всё. Всё, что будет видеть.

Горы и леса. Деревню и дома. Солнце и облака...

Пусть даже она сама не сможет услышать её. Пусть даже она сама не сможет заговорить с ней. Пусть даже она сама теперь сторона, завязшая в грязи.

Несмотря ни на что, эти две стороны монеты были менее одиноки. Менее одиноки, чем любые другие стороны монеты, в той деревушке с маленькими домами.

И тут случилась беда!

Так быстро, что ни одна сторона монеты, ни на одной окраине мира не поняла бы, что случилось.

Но она, к несчастью, успела... К несчастью, успела понять всё...

* *

...Теперь сырости не было совсем.

Это была безупречно чистая сторона монеты, находившаяся на видном месте в коллекции того коллекционера. Это был, честное слово, самый странный, самый удивительный экспонат коллекции.

Это была монета редкая и неоценимая.

Монета, единственная в своём роде!

Монета, подобной которой до сих пор не находил ни один коллекционер!

Эта монета в стеклянной коробке в середине большой коллекции была — и не спрашивайте меня, отчего и почему, — монетой с одной-единственной стороной!

Да, вы верно слышали!

Монетой с одной-единственной стороной.

...Стороной столь одинокой,
как ни одна другая сторона, ни одной другой монеты,
нигде в мире.

С 17 на 18 декабря

Должно быть, это был самый большой книжный магазин в городе.

Так много книг, собранных в одном месте. Разложенных на деревянных прилавках. Расставленных на бесконечных полках. Полках, достигавших потолка.

Книжные шкафы, выстроенные в ряд, один за другим. И кругом народ. Так много народу. Люди всех возрастов, всех видов были в этом магазине. В самом большом книжном магазине в городе.

Но там, в последнем по счёту книжном шкафу, на самой верхней полке стояла одинокая книга.

Столь одинокая, что ей не было дела до посетителей книжного магазина — этой разношёрстной толпы людей. Столь одинокая, что ей не было дела до бесконечных полок и прилавков неинтересного книжного магазина. Столь безгранично неинтересного.

У этой книги была своя история...

...

...Она проснулась однажды утром рядом со странной типографской машиной. Проснулась связанной вместе с многими другими такими же книгами. Должно быть, она была такой же, как они. Но она не помнила подробностей. Сон тотчас же снова овладел ею.

Эта книга родилась — я помню — уставшей.

Во второй раз она проснулась, оттого что почувствовала, что её крепко держит чья-то рука. Ощущение от пробуждения было прекрасным. Но оно продлилось недолго. Рука разжалась, и книга была поставлена на место. Наверно, это была рука книготорговца.

И на том месте она находится до сих пор. На том же самом месте. В самом последнем книжном шкафу, на самой верхней полке, где-то справа...

...

В течение долгого-долгого времени она ждала, что кто-нибудь увидит её. Что кто-нибудь придёт, чтобы отыскать её. Она надеялась, что эта дама, которая направлялась к её шкафу, шла за ней.

Для того чтобы снять её с полки, просмотреть её, взять с собой, к себе домой, в более маленький, более красивый, более дружелюбный книжный шкаф, полный красивых, разноцветных книг.

Чтобы она тоже обрела свой дом. Она, одинокая книга.

А куда же делись остальные такие же книги? Их поставили на другую полку? Может быть, на прилавки?

Рядом с ней не было ни одной книги, похожей на неё. Маленькую и красивую книжечку, зажатую среди толстых, как энциклопедии, книг, на последней полке, в последнем шкафу, в первом — и что с того? — книжном магазине в городе. Что за трагедия.

Должно быть, произошла какая-то ошибка.

Однако, дни шли, и ни одна рука не касалась её — Кого? Её! Нуждавшейся в прикосновении больше, чем любая другая книга, на любой другой полке, в любом другом книжном магазине мира. Такой одинокой книги.

Дни шли, и ни одна рука не касалась её. Ни одна другая книга не разговаривала с ней. Все они были — ещё одна странная игра судьбы — повернуты к ней спиной! Кто? Эти высокие и нескладные книги, толстые как энциклопедии!

Итак, там наверху, на последней полке, в последнем книжном шкафу в мире, стояла книга, которая когда-то возненавидела всех и вся...

Она возненавидела все прилавки с разноцветными книгами. Возненавидела людей, которые их покупали, возненавидела сами книги. Возненавидела кассиров и продавцов. Возненавидела низенького, лысого владельца магазина, полки и чёрные книжные шкафы. Книги вокруг неё, потолок и большие белые лампы...

Она возненавидела саму себя. Возненавидела даже своего автора.

Кто? Она! Книга, которая когда-то хотела всего лишь одного прикосновения. Одного простого прикосновения. Книга, которая когда-то захотела одного-единственного — любви!

Там наверху, на последней полке, в последнем книжном магазине в городе, стояла книга, которая когда-то возненавидела весь мир.

* *

Дни проходили медленно и мучительно. Её обложка теряла свой цвет, а страницы почти совсем пожелтели от времени и ненависти.

Ну и что с того? Так или иначе, никто больше не купил бы её. Никто никогда не заметил бы её. Несчастную книгу. Одинокую книгу на последней полке, в каком-то книжном шкафу, в каком-то книжном магазине. Книгу о...

О ЧЁМ?

Она никогда не узнала об этом! Не имела представления! Однако же, она до сих пор ни разу не подумала об этом. Не подумала о том, что она была за книга!

Она не знала, что она была за книга! Оттого что никогда не научилась ...читать!

Это была книга, которая не знала, как читать!
Что за комедия.

...

С того мгновения она стала задумываться. Чем она могла быть? Может быть, она была чем-то по-настоящему прекрасным?

Как бы не так! Люди покупают красивые вещи. Очевидно, она была какой-то неудачной книгой.

Книгой, не стоившей даже того, чтобы её увидели, открыли, пролистали, взяли домой, в маленький и красивый книжный шкаф с разноцветными книгами в золочёных переплётках.

Вероятно, она была чем-то безгранично неинтересным! Может быть, какой-нибудь диссертацией о причинах выпадения волос.

Как бы не так! Тогда её бы просматривал низенький, лысый владелец магазина!

Или она была каким-нибудь скучным математическим трудом?

Но ведь математики находят такие труды, всегда обнаруживают их!

Чем она могла быть? И почему она ждала столько времени, что её возьмут, если сама не знала, кто она? И кого спросить, чтобы узнать это? Кого? Кого? Кого?

Это была одинокая книга, в последнем книжном шкафу, на самой верхней полке, где-то справа. Книга — возможно, единственная во всём магазине, в самом большом книжном магазине города — которая не знала, как читать.

И буквы, которые отягощали её страницы, буквы красивые, изящные, ничего ей не говорили.

Абсолютно ничего.

Видите ли, буквы говорят только тем, кто знает, как их читать.

Буквы так невероятно горды!

* *

Если бы она знала хотя бы своё заглавие. Ничего больше. Только заглавие! Тогда бы она, по крайней мере, понимала, что она скучная книга о причинах выпадения волос. Или хотя бы книга для коллекционеров-математиков. Хоть что-то!

Ничего. Что за трагедия. Не было никакого выхода. Не было никого, кто мог бы ей помочь. Это была одна книга, одинокая книга, на краю книжного магазина, на краю света, галактики неинтересных книг.

Книга на вершине бессмысленных букв.

Это была опять же несчастная книга.

Она уже не ненавидела какие-либо другие книги, не не-

навидела ни прилавки, ни людей, приходивших и уходивших беспрестанно, ни продавцов, ни потолки, ни большие белые лампы. Она не ненавидела никого и ничего.

Но это по-прежнему была столь пустая книга. Возможно, ещё более пустая, чем раньше.

Это была книга столь одинокая, заключённая в книжном шкафу где-то в городе. В каком-то городе где-то на какой-то планете. Ну и что с того?

Её уже больше ничто не интересовало. Даже то, что она видела мир сквозь корешок маленькой книги. Ну и что с того? Она могла бы быть такой же, как книга рядом с ней. Пусть даже рядом с ней была книга большая и нескладная, как энциклопедия.

Ничто больше не имело значения. Она была книгой без содержания!

Вполне возможно, что в ней были написаны те же слова, что и в остальных книгах. Возможно, не случайно её поставили на эту полку. Возможно, именно сюда её должны были поставить. Вместе с толстыми книгами, похожими на энциклопедии.

СЮДА! На последнюю полку! На самую верхнюю полку, где-то справа, в последнем книжном шкафу, в первом — и что с того? — книжном магазине города.

Возможно, именно здесь было её место!

Ну и что с того? Разве там не было столько других книг?

* *

Было бы так красиво, если бы её страницы были чистыми, не правда ли?

Она знала бы тогда, что она и в самом деле книга без содержания. Единственная книга без содержания на всех полках, во всех книжных шкафах, во всех книжных магазинах мира.

Но не существует книг без содержания! Нигде невозможно найти книгу без содержания! Даже если искать во всех книжных магазинах мира!

Зачем?

Зачем ей нужно было родиться? Зачем? Зачем?

Она хотела бы, чтобы там был кто-нибудь, могущий сказать ей об этом. Хотела бы, чтобы там был её автор.

...

Существовал ли на самом деле тот, кто написал её?

А вдруг она была просто дефектной книгой? Книгой, родившейся по ошибке в той машине, в тот день, в первый день, который она помнила? Вдруг она была просто ошибкой? Книгой без смысла? Что тогда?

Тогда она была бы просто ошибкой! Ну и что с того? Разве не было ошибкой то, что она оказалась здесь, оди-

нокая книга на краю света?

РАЗВЕ ЭТО НЕ БЫЛО ОШИБКОЙ?

А вдруг она была книгой, которую кто-то написал на основании плана? После тщательного обдумывания и на основании плана? Да... наверно... может быть. Это более вероятно.

Но если вдруг она ему не понравилась? Если вдруг она была книгой, содержание которой — удивительно продуманное — ему не понравилось?

Если вдруг она была книгой, содержание которой понравилось её автору, но не самой книге? Тогда что?

Тогда ещё хуже! Ошибки нет! Я обречена навсегда! Книга, правильно сочинённая, чтобы понравиться автору! Почему?

Почему он не спросил меня? Разве не я плачú за всё? **Я.** Я, спрятанная навсегда на какой-то полке, где-то в каком-то книжном магазине!

Я И ТОЛЬКО Я!

...

Это была книга, которая кричала.

Которая вопила в одиночестве, в таком невыразимом одиночестве, какого не мог вообразить ни один покупатель, ни один владелец магазина, ни один продавец, ни один писатель в любой части света.

Книга, которая плакала, лила слёзы! Орошала ими свои бумажные страницы.

Оттого что они более ничего не значили...

* *

Оттого что они никогда ничего не значили. Ни они, ни заголовки, напечатанные большими буквами...

Для этой книги ничего не имело значения! Оттого что это была книга без содержания, книга, заключавшая в себе всё и ничего.

Это была одинокая книга на краю Вселенной. И она парадоксально заключала в себе Вселенную.

Эта книга не нуждалась в заглавии.
Как ни одна книга не нуждается в заглавии!

Эта книга не нуждалась в авторе.
Как ни одна книга не нуждается в авторе!

Эта книга не хотела ничего! Не хотела продавцов и прилавков, книжных шкафов и полок, не имела цены и не имела ценности.

Если бы эта книга — как и любая другая книга — хотела иметь заглавие, она бы дала его сама! Если бы она хотела иметь содержание, она бы написала его сама!

И она была бы книгой для детей.
Книгой, полной цветов и мелодий...

...

Люди разошлись, и низенький лысый владелец магазина потушил свет и запер тяжёлую железную дверь.

Но там, в темноте и молчании, одна среди стольких книг, маленькая книжечка, затерянная на последней полке последнего книжного шкафа в мире, кричала в одиночестве другим книгам!

И призывала их стереть заглавия с обложек. Стереть тексты на задней стороне. И просто прикоснуться друг к другу.

Безумная книга, будто промокшая во влажности ночи, кричала дрожа другим книгам.

Она кричала дрожа, но никто не слушал её...

...Видимо, они не хотели нарушить порядок!

Однако, им было некого спросить!

Это были всего лишь какие-то книги на краю света, которые не нуждались в авторах и продавцах, в покупателях и владельцах.

Это они нуждались в книгах, но ни разу не спросили их. Они приговорили их к стоянию на каких-то полках, к нагромождению в каких-то книжных шкафах этого мира.

И ни разу не спросили их.

Однако, именно они расплачиваются за это — одинокие

книги на краю Вселенной...

...

Она тоже была одной из книг, которых ни разу не спросили. Кричавшая в одиночестве, вопившая на том краю света.

Смешная книга! Книга без имени и содержания, кричавшая другим книгам и звавшая их к себе, пока слёзы не размочили её пустые страницы...

Она тоже была одной из книг, которые когда-то полюбили другие книги.

И странно, как в столь маленькую книжечку, на столь маленькой полочке какого-то книжного шкафа на краю света, могло в одно мгновение вместиться...

столько счастья!

(В ночь с 16 на 17 декабря)